

Десятилетие, истекшее с момента выхода в свет первого издания рецензируемого труда [1], почти совпало с десятилетием существования Советского комитета тюркологов при Отделении литературы и языка АН СССР, одним из важных пунктов деятельности которого признается углубленное изучение истории отечественной тюркологии [2, с. 101, § 13]. И, надо сказать, благодаря неустанной инициативе и деятельностью председателя Комитета А. Н. Кононова положение в этой области науковедения существенно изменилось. Сам факт выхода в свет первого издания рецензируемой книги, а также тесно связанного с ней «Библиографического словаря отечественных тюркологов. Дооктябрьский период» (М., 1974) [см. об этом 1, с. 7] и «Очерка истории изучения турецкого языка» А. Н. Кононова (Л., 1976) стимулировал интерес ряда тюркологов к истории своей науки.

Ученики и коллеги А. Н. Кононова по инициативе самого ученого продолжают систематически издавать «Тюркологические сборники», многие из которых полностью или частично посвящены изучению научного творчества тюркологов прошлого — П. М. Мелиоранского [3], А. Н. Самойловича [4], С. Е. Малова [5], первой печатной грамматики алтайского языка [6]. Появились библиографические очерки о деятелях общественных наук Узбекистана, библиографический словарь советских востоковедов. Вышли в свет или продолжают печататься многотомные казахская, узбекская, киргизская, азербайджанская советские энциклопедии. Публикуются многочисленные статьи о тюркологах, их научном творчестве, проектах создания «Азиатской академии» в России (в периодике и различных неперIODических изданиях).

Широко привлекая материалы этих и многих других публикаций по исследуемой теме, неустанно выискивая малоизвестные первоисточники, А. Н. Кононов во втором издании существенно дополнил, а в отдельных частях и кардинально переработал свою книгу — в настоящем своем виде она почти в полтора раза объемней ее первого издания.

Компоновка книги претерпела наибольшие изменения в двух главах, непосредственно касающихся истории тюркского языкознания в XIX — начале XX в., — это глава V «Из истории тюркского языкознания в России» (с. 201—298), где изложение ведется совершенно по новому плану, и вычлененная заново глава VI «Основные направления изучения тюркских языков в России» (с. 299—334), см. об этом в разделе «От автора» (с. 3). В результате кардинальной переработки и расширения эти две сугубо лингвистические главы стали центральными в рецензируемом труде, что не могло не отразиться на структуре всей книги, соотношении ее частей; так, остальные четыре главы стали подчиненными по отношению к главам V и VI. В самом деле, предшествующие им четыре главы призваны показать истоки развития отечественного тюркского языкознания (главы I—III), а также условия, в которых протекало это развитие (глава IV). Как отмечает автор в Предисловии (с. 5—11), «избранный план построения книги в известной мере навеян архитектурной» трудов Н. И. Веселовского, В. В. Бартольда, И. Ю. Крачковского по историографии отечественного востоковедения (с. 10).

В рецензируемой книге, которая вышла в свет в год 60-летия образования Союза Советских Социалистических Республик, красной нитью проходит мысль об изначальной интернациональности отечественной тюркологии, которая создавалась и развивалась усилиями представителей как русского, так и тюркоязычных народов. В каждой из шести глав книги детально охарактеризован вклад в отечественную тюркологию ученых и преподавателей — представителей тюркоязычных народов.

Другая мысль, объединяющая главы книги, — это нерасторжимость развития тюркологии как науки, с одной стороны, и преподавания тюркских языков и прочих востоковедных дисциплин, с другой. Недаром исключительное значение для прогресса всего отечественного востоковедения, в том числе и тюркологии, придается двум историческим фактам: «1) в 1803 г. Академия наук получила новый регламент, по которому в ней восстановились гуманитарные науки, исключенные из ее состава по регламенту 1747 г.; 2) в 1804 г. был утвержден новый университетский устав, по которому в Московском, Казанском и Харьковском университетах учреждались кафедры восточных языков. Развитие университетского востоковедения привело к созданию единого для всей России центра по подготовке востоковедов — факультета восточных языков С.-Петербургского университета (1855)» (с. 335—336).

Глава I «Предыстория русской тюркологии (до начала XVIII в.)» (с. 12—33) — это своеобразное введение в историю изучения тюркских языков в средневековой России. Глава I дополнена новым разделом «О термине-этнониме *türk*» (с. 14—17), в котором раскрываются сложности в неоднозначном употреблении этого этнонима как самими тюрками, так и их соседями — русскими — в разные исторические периоды. Для периода монголо-татарского нашествия и позднее, при сношениях России с Турцией, Средней Азией и Сибирью, большое внимание уделяется толмачам, переводчикам: судя по их именам и фамилиям, «почти все они были татарами или происходили из тагар» (с. 30). Здесь же рассматриваются первые словарные опыты, а также вопросы собирания тюркского лингвистического материала, начало которому положено в конце XVII в.

Практическое знание тюркских языков, утвердившееся на Руси с давних пор, а также постепенное накопление лингвистических, этнографических, исторических материалов, по мнению А. Н. Кононова, способствовали в дальнейшем, на-

чивая с петровской эпохи, зарождению научной тюркологии (с. 33).

Глава II «Зарождение научной тюркологии в России (начало XVIII в.)» (с. 34—108) открывается разделом, посвященным мероприятиям Петра I: «датой рождения русского востоковедения» автор считает 18 июня 1700 г., когда Петром I был издан указ об организации изучения восточных языков (с. 34). Тюркология, как и востоковедение в целом, зародилась в виде комплексной науки, занимавшейся языками, этнографией, литературами и историей тюркских народов. Недаром в одном из неосуществленных проектов предлагалось учредить «Академию, или Общество восточных наук и языков в империи Российской» (1733 г., Г.-Я. Кер).

Уникальность главы II состоит в том, что анализ востоковедной деятельности ученых XVIII в. широко опирается на материалы, извлеченные автором из архива востоковедов ЛО ИВ АН СССР, рукописных отделов ГПБ им. Салтыкова-Щедрина, ЛО ИВ АН СССР, БАН СССР, ЛО АН СССР, ЦГАДА и др. Благодаря кропотливой исследовательской деятельности А. Н. Кононова в научный обиход возвращены рукописные тюркские вокабуляры, глоссарии, словари, разговорники XVIII — начала XIX в., причем во втором издании перечень их значительно расширен (см. с. 97—98).

Среди других внимание уделяется рукописным словарям. В их числе и те лексикографические разработки, которые осуществлялись при непосредственном участии преподавателей из представителей тюркоязычных народов. Это «Российско-татарско-калмыцкий словарь», составленный под руководством П. И. Рычкова и при участии учителя татарско-калмыцкой школы в Оренбурге ахуна Махмуда А(б)драхманова (с. 86), и двухтомный Русско-татарский словарь преподавателя татарского языка в казанских гимназиях Сагита Хальфина (с. 105—108). Рассматриваются также источники, история создания и структура «Сравнительных словарей всех языков и наречий». А. Н. Кононов точно определяет назначение и суть каждого из описываемых им словарей.

В столь же глубоко фундированной главе III «Тюркское языковедение в Академии наук (XIX — начало XX в.)» (с. 109—128) раскрывается исследовательская проблематика в трудах В. В. Вельяминова-Зернова (при этом особо отмечается, что «исключительная по важности роль» в подготовке и издании его «Материалов для истории Крымского ханства» принадлежит преподавателю татарского языка на факультете восточных языков С.-Петербургского университета Хусану Фанзахову, которого А. Н. Кононов оценивает как крупного знатока тюркской палеографии и дипломатики, — с. 251, 265—266), азербайджанца М. А. Газем-бека, В. В. Радлова, В. В. Бартольда, К. Г. Залемана, Э. К. Пекарского и многих других. В этой главе объективную оценку получила тюркологическая деятельность многих ученых, труды которых порой несправедливо забыты

(в числе последних — А. А. Шифнер).

Разумеется, в настоящих условиях было бы перелезно требовать от рецензируемой книги исчерпывающей оценки действительного вклада, сделанного тем или другим ученым в тюркологию: почти в любом случае это с необходимостью предположало бы монографическое исследование научного творчества тюрколога, а таких монографий в тюркологии пока еще очень мало.

В главе III описываются также научные экспедиции востоковедов в XIX — начале XX в.

Глава IV «Преподавание тюркских языков в учебных заведениях России (XVIII — начало XX в.)» (с. 129—200) содержит полные сведения о постановке дела в университетах России [по сравнению с изданием 1972 г. сюда добавлены также Дерптский-Юрьевский (Тартуский), Виленский (Вильнюсский), Александровский в Гельсингфорсе-Хельсинки — с. 170—171], институтах (добавлен Восточный институт во Владивостоке — с. 188), гимназиях, училищах, школах и других учебных заведениях (в том числе — духовных), на специальных курсах. В рецензируемой книге освещена также деятельность Общества востоковедения (с центральным управлением в С.-Петербурге), а также Общества русских ориенталистов (с. 185—188), о чем не было речи в издании 1972 г.

Естественно, что именно в этой главе вклад ученых — носителей тюркских языков и их сотрудничество с русскими тюркологами удалось показать особенно рельефно и выпукло.

Здесь, как, впрочем, и в остальных главах, лаконичное сообщение о том или ином факте, имевшемся в издании 1972 г., обростаеt вновь обнаруженными подробностями, существенными деталями или примечаниями подлинно энциклопедического содержания.

В середине XIX в. в недрах комплексной науки тюркологии зародилась самостоятельная дисциплина — тюркское языковедение. Соответственно глава V имеет название «Из истории тюркского языковедения в России» (с. 201—298); она охватывает также периоды, предшествовавшие вычленению этой самостоятельной дисциплины. Композиционно главу V составляет обзор основных тюркских грамматик, словарей, учебных пособий; обзор построен в последовательности, предусмотренной классификацией тюркских языков Н. А. Баскакова [7, с. 230—350]. Здесь подробно рассматривается история изучения каждого из тюркских языков — в том порядке, какой предопределен принятой их классификацией. Имея в виду большие исторические сложности с названием тюркских языков и народов — их носителей в отечественной и западноевропейской традиции, А. Н. Кононов в необходимых случаях рядом с современным наименованием языка приводит также перечень его исторических названий (см., например, с. 214, 224 и сл.). Если учесть к тому же, что здесь сконцентрирован огромный библиографический материал по каждому из языков, в том числе — из источников, до-

стущих далеко не каждому из читателей (например, из периодического издания «Заволжский Муравей»), то будет ясно, какую ценнейшую историографию своей науки получает ныне тюрколог-языковед.

А. Н. Кононов отмечает большую роль в развитии тюркского языкознания хальфийской династии преподавателей татарского языка и члена-корреспондента Императорской Академии наук в С.-Петербурге азербайджанца М. А. Казем-Бека, казахского, татарского, азербайджанского просветителей И. Алтынсарина, К. Насыри, М. Ф. Ахундова, первого ученого из хакасов Н. Ф. Катанова, чуваша И. Я. Яковлева, армян Х. Абовяна и Л. З. Будагова.

Изложение спорных проблем тюркологии — таких, как, например, преемственная связь чувашского языка с древнеболгарским, место чувашского в кругу соседних с ним тюркских и нетюркских языков (с. 203 и сл.), или же вопрос о том, какой язык подразумевал Ибн Мухапна под языком «тюрков наших стран» (с. 216), — ведется здесь в широком контексте, с учетом в ссылочном аппарате существующих ныне воззрений. Благодаря этому в каждом конкретном случае прорисовывается фундированное мнение автора книги по изучаемому вопросу.

Во втором издании рецензируемой книги при обзоре тюркских грамматик и словарей особое внимание уделено работам по древнеуйгурскому языку (с. 276—277), а также по истории узбекского языка (с. 280—284, в первом издании книги содержались лишь соответствующие сведения по современному узбекскому и новоуйгурскому языкам — с. 217—218; 230—232).

Спорный вопрос о соотношении терминов «чагатайский язык» и «староузбекский язык» в рецензируемой книге решается компромиссно. До середины XV в. применительно к тюркскому литературному языку Средней Азии, судя по всему, допускается употребление термина «чагатайский язык» (с. 282). Термин же «староузбекский литературный язык», по мнению автора, «оправдано может быть применен только, к строго определенному периоду развития тюркского литературного языка Средней Азии, а именно к истории среднеазиатско-тюркского литературного языка начиная со второй половины XV века» (с. 282). Вместе с тем наряду с «новоузбекским языком» (к нему в первую очередь отнесены сочинения Абу-л-Гази, XVII в., где, между прочим, много огузских языковых элементов, см. с. 283) речь идет также и о «новочагатайском языке» (сочинение Абду-с-Саттар Казы, вторая половина XIX в. — с. 242).

Имея в виду давнюю дискуссию об этнической привязке языковых материалов «Codex Sumanicus», при утверждении: «Старейшим памятником крымскотатарского — степного, северного — языка является Codex Sumanicus...» (с. 250, ср. с. 28, 243) в последующем издании целесообразно будет также привлечь результаты новейших разысканий отечественных ученых [8—10].

Применительно к данным И. Гильден-

штедта, «который собрал лексические материалы по ряду языков Крыма и Кавказа» (но не Туркмении!), вряд ли целесообразно отождествление тухменского с туркменским языком (с. 240); туркменские диалектологи рассматривают первый как северокавказский диалект (говор) туркменского языка (см. статьи С. Куренова в «Известиях АН Туркменской ССР» за 1958 и 1959 гг.). Спорным является также вопрос о статусе лобнорского; воззрения на него как на самостоятельный язык придерживается У. Асаналев [11].

Глава VI «Основные направления изучения тюркских языков в России» (с. 299—334) важна обобщением собранных в книге данных. В наибольшей степени это относится к изучению тюркской грамматики. Хотя автор и считает «исследование развития и систематизацию грамматических идей применительно к тюркскому языкознанию» делом будущего (с. 3), первые приближительные обобщения он дает уже здесь, наметив основные направления развития грамматической теории в тюркском языкознании. Автор стремится также определить роль отечественных ученых в эволюции лингвистической мысли в целом. А. Н. Кононов уделяет большое внимание влиянию общезыковедческой и индоевропейской грамматической теории на труды отечественных тюркологов, всякий раз отмечая преемственность во взглядах. В результате в рецензируемой книге впервые намечено семь главных линий развития грамматических исследований в доктябрьский период (с. 306—307). Иногда воздействие русской и французской грамматических схем дает причудливые переплетения с арабской грамматической традицией (Грамматика турецко-татарского языка М. А. Казем-Бека).

Много внимания в рецензируемой книге уделено изучению памятников рунического, древнеуйгурского, арабского шесма (с. 307—317), ханских жалованных актов-ярлыков и ханских посланий битиков (с. 318), описанию тюркских рукописей отечественными тюркологами (с. 322—328).

А. Н. Кононов подробно рассматривает попытки классификации тюркских языков, представленные в трудах отечественных тюркологов, их достоинства и недостатки (с. 318—322). Выражая неудовлетворенность как этими, так и ныне действующими классификациями, он присоединяется к мнению И. А. Бодуана де Куртене о том, что «мы должны стремиться не к классификации языков, а только к их сравнительной характеристике» (с. 322). Не исключено, что применительно именно к тюркским языкам окажется плодотворным путь создания частных морфологических классификаций, полученных в результате поочередного системного обследования узловых грамматических категорий, и последующего творческого сведения их (при необходимой коррекции с фонетической классификацией) в общую классификацию тюркских языков.

Очень невелик по объему раздел «3. Изучение лексики тюркских языков» (с. 317; композиционно ему естественнее было бы находиться непосредственно меж-

ду разделами «1. Изучение грамматического строя» и «7. Изучение тюркизмов в русском языке и русизмов в тюркских языках»). Дело в том, что тюркская лексикография и лексикология долгое время были синкретичными, и для того, чтобы вычленив сумму лексикологических идей в дооктябрьской тюркологии, требуется специальное обследование тюркских словарей этой поры; такое обследование прояснит и узловые вопросы лексикографии (объем и состав словаря, его построение, приемы перевода и толкование слов, в нем собранных). Так, например, читая в рецензируемой книге, что «для сравнительного сопоставления лексического материала приведенных в таблице языков Страладенберг выбрал 60 слов: имена числительные ..., имена существительные (бог, отец, мать, род, город, огонь, вода, земля, ветер, звезда, дождь, глаз, язык, борода, рука, нога и т. д.)...» (с. 63), можно сделать вывод: уже в первой половине XVIII в. происходил интуитивный отбор лексики базисного слоя. При этом, видимо, вполне осознавалась различность структуры глаголов в языках разных семей, в силу чего они к сопоставлению не привлекались. Даже из этого небольшого примера ясно, что лексикографическая практика была бы неосуществима без решения важнейших лексикологических проблем, хотя и в неявной форме.

Между тем первые специальные исследования словарей дооктябрьской поры в тюркологии еще только появляются [12, 13]. Изучение, например, «Сравнительного словаря турецко-татарских наречий» Л. З. Будагова в указанном аспекте показало, насколько серьезно и творчески относился его автор к решению и сугубо лексикографических, и лексикологических проблем, как при этом он учитывал достижения современной ему русской лексикографии. Л. З. Будагов фактически положил начало тюркской исторической и сопоставительной лексикологии, одним из первых проявив также интерес к истории тюркских слов и выражений, к их этимологии. Характерно, что в его словаре не только констатируются русизмы и прочие заимствования в тюркских языках и тюркизмы (ориентализмы) в русском языке, но и делаются попытки проследить их историю. Все это позволяет считать, что Словарем Л. Будагова по сути дела открыта новая страница в истории тюркской лексикологии и лексикографии.

Безусловно, специального анализа заслуживает также многотомный «Опыт словаря тюркских наречий» В. В. Радлова, о котором в рецензируемой книге только упоминается (с. 116).

В числе основных направлений изучения тюркских языков в России в качестве самостоятельного раздела, скорее всего — предваряющего раздел об их классификации, просится быть выделенным сопоставительное и сравнительное тюркское языковедение (заметки такого раздела, без его вычленения, имеются в гл. III, с. 119—120). Сюда по праву должны быть отнесены Татарская грамматика И. И. Гиганова, Грамматика турецко-татарского языка М. А. Казем-Бека,

ныне рассматриваемая только в числе трудов по турецкому языку (с. 228—331), Сравнительный словарь турецко-татарских наречий Л. З. Будагова, о котором находим упоминания в числе трудов по азербайджанскому (с. 220—221) и узбекскому (с. 284, по общераспространенному мнению — чагатайскому) языкам, Опыт словаря тюркских наречий В. В. Радлова (об этих двух словарях как об имеющих общетюркологическое значение см. на с. 120), штудии Радлова по сравнительной фонетике и морфологии тюркских языков [14, 15] и другие работы.

В кратком Заключение (с. 335—338) суммированы основные этапы в развитии отечественной тюркологии, причем подчеркнута, что отечественное востоковедение «никогда не служило ни миссионерским целям русской церкви, ни колониальной политике царского правительства...» (с. 336).

Рецензируемая книга с ее богатейшим тщательно отработанным библиографическим аппаратом (включая обширный Список сокращений — с. 339—343) и детальным Указателем имен (с. 344—356) на данном уровне историографических знаний дает почти исчерпывающую картину развития тюркологии в дооктябрьской России. Известные уточнения можно ожидать, по-видимому, от специального обследования старых словарей, монографического изучения научного творчества отдельных ученых, истории исследования ряда письменных памятников, занимающих особо важное место в эволюции того или иного литературного языка (примером может служить этюд самого А. Н. Кононова «История приобретения, переводов, изданий и изучения „Родословной тюрк“ Абу-л-Гази», с. 71—82).

Благова Г. Ф., Наджип Э. Н.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кононов А. Н. История изучения тюркских языков в России. Дооктябрьский период. Л., 1972 (рец. см.: СТ, 1972, № 5; Народы Азии и Африки, 1973, № 3).
2. Резолюция III Всесоюзной тюркологической конференции. Ташкент, 10—12 сентября 1980 года. — СТ, 1981, № 1.
3. Тюркологический сборник. 1972. М., 1973.
4. Тюркологический сборник. 1974. М., 1978.
5. Тюркологический сборник. 1975. М., 1978.
6. Ашнин Ф. Д. Первая печатная научная грамматика алтайского языка. — В кн.: Тюркологический сборник. 1977. М., 1981.
7. Васкаков Н. А. Введение в изучение тюркских языков. 2-е изд. М., 1969.
8. Дашкевич Я. Р. Армяно-кыпчакский язык XV—XVII вв. в освещении современников. — ВЯ, 1981, № 5.
9. Дашкевич Я. Р. Армяно-кыпчакский язык: этапы истории. — ВЯ, 1983, № 1.

10. Чеченов А. А. Язык «Codex Cumanicus» и его отношение к современным западнокыпчакским языкам: Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. филол. наук. М., 1978.
11. Асаналиев У. Лобнор тилинин грамматикалык кыскача очерки. Фрунзе, 1964.
12. Умаров Э. А. Паве де Куртей — лексикограф. — СТ, 1981, № 6.
13. Оконешников Е. И. Э. К. Пекарский как лексикограф. Новосибирск, 1982.
14. Radloff W. Vergleichende Grammatik der nördlichen Türk Sprachen. 1. Tl. Phonetik der nördlichen Türk Sprachen. Leipzig, 1883.
15. Radloff W. Einleitende Gedanken zur Darstellung der Morphologie der Türk Sprachen. — ЗАН, 1906, сер. VIII, VII, № 7.

Пумпянский А. Л. Введение в практику перевода научной и технической литературы на английский язык. 2-е, доп. изд. — М.: Наука, 1981. 344 с.

Из многочисленных разновидностей перевода внимание исследователей более всего привлекали перевод художественной литературы, с одной стороны, и перевод научной и технической литературы — с другой. Если перевод художественной литературы, являющийся — как это общепризнано, — искусством, связан с постановкой наиболее острых проблем эстетики слова (причем закономерности соотношений между сопоставляемыми языками прослеживаются в весьма опосредованной и неявной форме), то в переводе научной и технической литературы эти закономерности выступают несравненно более рельефно, так что создается возможность проследить их со значительной степенью точности. Развитие теории каждого из этих видов перевода, которое шло своими путями и было связано со своими специфическими трудностями, привело и к накоплению опыта, ценного материала, и к важным теоретическим обобщениям. Что касается научной и технической литературы, то для изучения возможностей и конкретных средств ее перевода существование объективных закономерностей в соотношении между соответствующими языками служило особо благоприятным условием.

В разработке и построении теории этого вида перевода бесспорны заслуги автора рецензируемой книги. А. Л. Пумпянский написал ряд работ, относящихся к данной области. Основанные на англо-русском и русско-английском материале, они тесно сочетают в себе интересы теории и практики [1—5]. Теоретически наиболее насыщенная среди них — «Введение в практику перевода научной и технической литературы на английский язык» — вышла в свет первым изданием в 1965 г., но не стала тогда предметом обсуждения в ваших специально лингвистических либо переводоведческих изданиях. Теперь она переиздана, обогащенная опытом дальнейших исследований автора (в особенности [6]) и снабженная большим послесловием «Становление и развитие теории перевода научной и технической литературы (1965—1980) как билингвистического ядра нового функционального стиля эпохи НТР» (с. 301—334). И хотя корпус книги не претерпел существенных изменений (опущены один раздел и несколько параграфов), именно в связи с послесловием ее

содержание приобретает принципиально новый интерес.

Автор исходит прежде всего из языковой реальности, из материала обоих сопоставляемых языков или — точнее — исходного (русского) и переводящего (английского), из реального состояния того функционального стиля (научной и технической литературы), в котором она проявляется. При этом А. Л. Пумпянский отрицательно оценивает существующую у некоторых зарубежных англистов тенденцию — не считаться с происшедшими и происходящими в языке изменениями и руководствоваться устаревшей, но якобы более совершенной нормой. Он отвергает и попытки искусственно упростить язык науки и техники, т. е. насильственно навязывать ему нарочито примитивные и стандартные формы выражения — якобы для удобства восприятия и перевода, но фактически в ущерб содержанию мысли. Признавая значение термина как носителя важнейшей научной информации, автор убедительно возражает против стремления объявить его главной и определяющей особенностью научных и технических текстов. В противовес такой еще широко распространенной точке зрения он настаивает на необходимости учитывать языковое окружение термина в тексте, роль нетерминологической лексики и грамматических связей как факторов, способствующих и верному осмыслению данных исходного языка, и выбору нужных средств в переводящем языке. Вообще то обстоятельство, что характеристика и анализ средств переводящего языка, в особенности средств грамматических, явно играет в книге доминирующую роль, оказывается в ней и организующим принципом, отличающим ее от многих работ о переводе, в которых гораздо большее место отводится особенностям исходного языка.

Глубокий и твердый лингвистический фундамент — результат работы исследователя над конкретным материалом — составляет важное достоинство книги, предназначенной служить теоретическим введением в практику перевода. Отметим, что среди представителей практики перевода научной и технической литературы бытует взгляд, согласно которому перевод технических текстов должны осуществлять специалисты соответствующей отрасли науки или техники, при том